

неуверенности в себе. Нравственный контекст, скорее всего, свидетельствует о подмене понятий любви, интимности некими симулякрами. Такой гедонистический эксгибиционизм сродни применению алкоголя, других психоактивных веществ, применение которых дает ощущение преодоления отчуждения и одиночества. Однако привычной дозы становится недостаточно, поэтому требуются все новые и новые впечатления. В такой ситуации, пожалуй, не уникальным видится возможный путь уничтожения личностного нравственного начала в попытках все большего стремления к получению гедонистического удовольствия. Существует еще один аспект проблемы, о котором мало кто задумывается, связанный с взаимоотношениями поколений. Мало того, что такая видеопродукция доступна родителям молодых людей, но что последние ответят на возможные вопросы своих будущих детей (если они, конечно, планируются в таких союзах).

К сожалению, проблемы нравственной культуры молодежи проявляются и в других сферах. Помимо легкодоступности различного рода информации, необходимо учитывать и широкое распространение в стране игорного бизнеса, различного рода казино, что дает основания зарубежным туристам рассматривать ее посещение в русле «секс-туризма». Следует констатировать, что каких-либо серьезных исследований данной проблемы нет, что не позволяет выработать определенные превентивные меры по минимизации возможных последствий вовлечения молодежи в порно- и секс-индустрию. Перед отечественной наукой сегодня появляются серьезные вызовы, ответы на которые пока в полной мере не сформулированы.

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Я.С. Яскевич, г. Минск, Беларусь

В современных философско-методологических и социально-политических исследованиях особое внимание уделяется *рациональности* как философско-мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума. Обращение к рациональному осмыслению происходящих событий перед лицом «глобального кризиса» и «глобальной депрессии», необходимости синтеза полученных знаний актуализирует фундаментальную тему рациональности. Тема рациональности пронизывает разнообразные сферы человеческого бытия, специфицируясь в социально-философских, ценностно-антропологических, научно-познавательных, политико-правовых и экономических дискурсах. Наряду с этим выстраиваются гносеологические и методологические модели рациональности, опирающиеся на такие критерии познавательных целей и

их достижения, как эмпирическая адекватность, целерациональность, эффективность и продуктивность интеллектуальной и практической коммуникации, общепринятость норм и правил поведения, ясность и согласие относительно понятий и суждений.

Разрешение конфликта между различными типами рациональности, преодоление ранжирования их на «низшие» и «высшие» возможно, если исходить из принципа методологической дополнительности Н. Бора, позволяющего рассматривать оба подхода в ракурсе смысловой сопряженности и связи человеческих знаний в раскрытии закономерностей природы и общества, эффективности социальных действий и институтов, субъективности свободы и творчества. Принцип дополнительности важен и для понимания специфики коммуникативной рациональности, требуя сочетания норм логической семантики, знания смыслов и значений, рациональных правил, описаний и объяснений, взятых в контексте культурно-исторической статики, с одной стороны, и учета динамики коммуникативных практик и процессов, вплетенных в конкретно-исторические условия и реальный коммуникативный процесс, с другой стороны [1].

Обращение к феномену рациональности, выяснение специфики коммуникативной рациональности, принятие рациональных и нравственно-ориентированных решений особенно необходимо в условиях современного рискогенного общества. Рационализм в европейской традиции, как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. Почти все ныне существующие бизнесмены и политики заняли рационалистическую и приближающуюся к ней позицию, идя к этому образу мыслей собственным путем – или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказывающийся преклоняться перед авторитетом и делающий исключение только для авторитета разума. По своему образу мыслей рационалист является одновременно и скептиком и оптимистом: скептиком – потому что во всем разнообразии мнений, обычаев, верований не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда разума; оптимистом он является потому, что никогда не сомневается в способности собственного разума определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или ущербность действий [2].

При всех издержках рационализма, который критиковался в своих мировоззренческих и методологических установках как образцово-идеальная модель организации общества, основных социальных практик, человеческого поведения и общения, достижения истинного объективного знания, эта методологическая установка остается непреходящим ориентиром современной науки, культуры, экономики, политики, коммуникации, включая в свое исследовательское поле проблемы принятия решений, выявления специфики политической и экономической коммуникации, обоснования новых геополитических сценариев и т.д. в условиях политических, экономических, экологических и других типов рисков, вступая при этом в диалог с альтернативными подходами. Это касается и коммуникативных практик.

Важно иметь в виду, что процесс любой коммуникации предполагает своего рода «перекодировку вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» (Г. Почепцов), что означает: посредством слов, обмена значениями выражений некоторого языка вызываются необходимые действия. Причем, как правило, субъект, передающий сообщение обладает некоторой властью над субъектами, принимающими это сообщение, а в рамках коммуникативного пространства работают соответствующие правила коммуникации. Исходя из этого, коммуникация считается рациональной, если она подчинена определенным критериям, разумность которых признается и принимается субъектами коммуникации; если участники коммуникации признают разумными конкретные приемы и процессы обмена смыслами, влекущими за собой определенные действия; если она позволяет достичь целей на основе общих ценностей – рационального принятия управленческих решений, взаимопонимания и консенсуса в переговорном процессе, в случае разрешения различного рода конфликтов и др. Лишь в строгой науке критерии научной коммуникации и такие методологические установления как ценность истинного, достоверного, непротиворечивого знания признаются общими и значимыми для всех субъектов познавательных процессов и в тоже время наполняются новыми специфическими характеристиками рациональности в конкретном историко-культурном контексте классической, неклассической и постнеклассической науки [3]. В рамках политической коммуникации ее субъекты ориентируются прежде всего на ценность власти, учитывая методы усиления своей и возможности чужой власти, что и является здесь критерием рациональности и рационального политического решения. Экономическая рациональность не обходится без таких ценностных ориентиров, как экономическая выгода, прибыль и т.п.

Несмотря на специфику коммуникативного пространства (политическое, научное, экономическое пространство) существует общий предметно-смысловой континуум, «общий язык», общее правило,

позволяющие осуществлять коммуникативный процесс, приспособлявая свой опыт и свой язык к опыту другого, чтобы не произошла «блокировка» общей коммуникационной системы из-за нашего неумения/нежелания принять ее «правила игры». Чтобы не придти к «пределу доверия», надо быть предельно внимательным и рациональным. Ведь даже в технических устройствах достаточно трех неверных попыток для блокирования системы. Наши ошибки в политической, экономической, межличностной коммуникации имеют порой негативные последствия, когда из-за оброненного или написанного слова, сообщения, неверных фраз, игнорирования социокультурного и ментального контекста трудно наладить деловые и иные коммуникационные отношения.

Динамично развивающийся современный экономический, политический, духовный и в целом жизненный мир человека несомненно открыт для инновационных средств общения, новых коммуникационных практик, «языковых игр», разрушая в отдельных случаях традиционные структуры коммуникативной рациональности и не позволяя своевременно сформироваться механизмам адаптации человека к ним, а значит понимания, ориентации и «вписывания» в непривычное коммуникационное пространство.

В современном демократическом обществе важно чтобы коммуникативная рациональность или рациональность общения была ориентирована на предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости (Дж. Ролз).

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда – возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса. Политико-экономический дискурс при этом использует рациональные стандарты языка науки и одновременно отвечает определенным общественным реалиям и социальным целям – политической эффективности, экономической выгоде и т.п.

Литература:

1. Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В.Н. Порус. – М.: УРАО, 1999.

2. Оукшот, М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот. – М.: Идея-Пресс, 2002.

3. Степин, В.С. Научное познание в социальном контексте / В.С. Степин // Избр. труды. – Минск: БГУ, 2012.